

Виктор ЯГАНОВ

В дозоре

Ночного поба темное сукно,
Ни шороха, ни звука на пять верст,
Горели над Амуром озорно
Начищенные пуговицы звезд.
Стояла над границей тишина,
Недремлющим сигнальным фонарем
Добастая спокойная луна
Висела над военным кораблем.
У берега шепталась тополя,
Роняя в воду пудрой белый цвет,
И беспокойным нервом корабля
Натягивалась якорная цепь.

Важный чин

С утра готовимся к приему,
К нам прибывает важный чин.
В окне монтажного проема,
Как свет юпитера — лучи.
Трамбует грунт, отводит воду,
В пыли вальсирует метла.
Мы молим бога за погоду —
Чтоб не дождливою была.
Стоит опалубка, как яхта —
Готова взять его с собою,
И, чтобы чину было мягко,
Паласом стелем рубероид.
И вот пошел.
Пошел весомый,
Солидный, тучный —
В сорок тонн,
Покачиваясь на рессорах,
Его величество Бетон.

Виктор АЛЮШИН

Ольдой

В моей глухаринной стороне
Под сенью листвы молодой
Хрустальные крутит воронки
Таежный красавец Ольдой.

Сгущаются сумерки быстро.
Округа в молчании вся,
И только мурлычет транзистор,
На ветке березы вися.

Мы выбрали место посуше,
Собрали у берега стол,
И лось, чтобы песни послушать,
Доверчиво к нам подошел.

Весенняя ночь

Над городом тихо и сонно.
На небе ни облачка нет.
Но матовый, как из плафона,
На здания падает свет.

Мир зыбкой спиралью свернулся,
Подверженный всем чудесам.
Едва я к нему прикоснулся —
И вечность почувствовал сам.

Дебюты

ОЛЬГА ПОНОМАРЕНКО в прошлом году закончила среднюю школу. Сейчас живет и работает в селе Красный Яр Михайловского района. Стихи пишет давно, но предлагаемая сегодня подборка — ее первый выход к областному читателю.

Ольга ПОНОМАРЕНКО

Ласточки детства

Забутый дом — богами и весной.
На гнездах бесприютно пыль грустит,
Здесь ласточки здоровались со мною,

Теперь покой в забвении тихом спит.
О, где вы, где вы, ласточки из детства?
В каком мире, в какой другой весне?
О, где вы, где вы, ласточки из детства? —
Прошу — на миг вернуться вас ко мне!
Здесь я дышала первую любовью.
И мама молодая здесь прошла...
Мне б прикоснуться молча к изголовью
Весны, что вместе с детством отцвела.

Имя

Одно лишь имя губы обжигает
Неведанным, неслыханным огнем,
И сердце жжет. Оно в ночи страдает;
И плачется, и помнится о нем.
Никто-никто мне не откроет тайны —
Зачем цветет души земная ночь?
И это имя, как святыню, тайно
обожаствую с именем любовью...

Я женщине твоей
Завидовать не смела —
Наверное, любить
Она не так умела.
Наверное, любовь
Ее была другою,
Ты не сравнишь ее
С моей — недорогою.
Ты не сравнишь меня
С красивой и милой.
Во всем себя виня,
Я для тебя не мила...
Не мил тебе мой дом,
Мой голос, руки, губы,
Что ты — не мой кумир...
Стихи — и те не любви!
Приспись же — пожалей,
Осенней блеклой новью
Застывший мир согрей —
И в нем меня — любовью.
Лишь счастья — нам вдвоем,
Земле моей — прохладу.
Все в будущем твоём —
И боль, и скорбь, и радость.

1.

Станислав ПОВНЫЙ

ШУРКИНА МЕСТЬ

Рассказ

В этот день Шурке удивительно везло. С утра на разгрузке угля для офицерской бани он заработал булку черного хлеба и три порохка сахарина. Противно, конечно, работать на немцев, но что делать? У матери их трое, и ей одной трудно прокормить всю семью. Шурка хорошо это понимал и все, что ему удавалось раздобыть, приносил домой. Ведь в семье он был за старшего, значит, отвечал и за мать, и за младших — одиннадцатилетнего Гриньку и Варюшку, которой и девяти еще не исполнилось. Так и отец ему называл, уходя на фронт в первые дни войны.

Крепко запомнились Шурке его слова, и он всеми силами старался оправдать отцовское доверие — помогал матери добывать на зиму топливо, осенью убирать, а весной вскапывать и сажать огород. Потом уход за огородом возлагался на Гриньку и Варюшку, а он в основном занимался рыбным промыслом и еще подкармливал семью мелкими заработками.

Да, рыбалка в то голодное лето сорок второго была для них большой подмогой. Как-никак, а Шурино улова хватало и на уху, и на жареху. Иногда мать даже продавала окуней и лещей за рейсмарки старосте полицаям и домработнице коменданта. На вырученные деньги она покупала у спекулянтов то соль, то муку, смешанную с отрубями, то небольшие кирпичики темного немецкого хлеба, который во рту шелестел как полова.

Нелегкой была жизнь, но она омрачалась еще и тем, что в Шуркином доме, в той комнате, где стоял отцовский письменный стол, с весны квартировал пучеглазый лейтенант из комендатуры. Веселый и развязный, он пытался расположить к себе козляев, но они, особенно дети, сторонились его и старались поменьше попадаться ему на глаза.

Обычно Шурка рыбачил рано утром, но в тот день из-за разгрузки угля решил пойти на речку к вечернему клеву. И снова ему повезло — часа через два в его ведре уже плескалось восемь жирных окушей и один лещ килограмма на два. Довольный своей удачей, он уселся на большой темный камень и загляделся на спящую, прохитую

золотом лучей заходящего солнца воду. Рядом стоял явор, доставая до самой воды оголенными корнями. Казалось, будто он после длинной дороги зашел в речку и наклонился, чтобы помыть натруженные ноги. С малых лет любил Шурка созерцать эту тихую, умиротворяющую красоту родной украинской природы. Сейчас в ней чего-то не хватало, но чего? Ах да, до войны здесь плавали утиные выводки, теперь же уток не было во всем поселке. Да только ли уток... Не было пионерского лагеря у березовой рощи, не было веселого гомона на токах во время жатвы, песен и танцев на площадке перед клубом. Зато были комедантские приказы, грозные расстрелом заслушанные оккупационным властям, порка за неуплату налогов, угоны парней и девочек в Германию.

Шурка подумал обо всем этом с горечью, встал и, взяв свой улов, пошел домой, обволакиваемый синевой сгущающихся сумерек.

Открыв калитку, он увидел, что Варюшка и Гринька сидят за столом под навесом и ждут его к ужину. Поставил ведро и пошел к рукомойнику. В это время на крыльце появился квартирант. Потом спустился с крыльца и заглянул в ведро.

— О, какой красивый рыба! то есть, карошый подарок герр комендант! — и, подхватив ведро, немец направился к калитке. Шурка рванулся за ним, но поспешная мать остановила его:

— Сынок, не надо! — в голосе ее звучали и мольба, и тревога.

— Паразит! — процедил сквозь зубы Шурка, дрожа от гнева. Подлатишься ты мне за этот грабеж, гад ползучий!

— Ты что? — испугалась мать. — Не вздумай связываться! О нас подумай.

— У него пистолет есть, — вставил Гринька, а Варюшка подбежала и затараторила, упокаявая старшего брата:

— Не расстраивайся, Шура.

Ты же еще поймал рыбы, а он пусть подавится теми окунями. А тронешь его, так всем нам будет плохо.

— Ладно, хватит вам, — отмахнулся Шурка и сел за стол. Он молча съел картошку и выпил кружку черешневого компота, подслащенного сахарном. Потом зашел в дом и лег в постель. Но сон не шел, и он долго ворочался, размышляя о том, как отомстить наглому грабителю (теперь он только так называл постояльца). Ни удар по голове из-за угла, ни отравление не подходило: дознаются немцы — повесят не только его, но и мать с Гринькой и Варюшкой. Надо найти такой способ расплаты, чтобы на него не могла упасть даже малейшая тень подозрения. Так ничего и не придумав, он, наконец, уснул. Спал беспокойно, вскидывался во сне, что-то бормотал.

На следующий день он вернулся с рыбалки рано, когда немец спал. Мать быстро почистила рыбу и спрятала в погреб.

— Пожарю, когда уйдет пучеглазый в свою комендатуру, — сказала она.

Шурка натаскал в бочку воды для полива огорода, заменил две штaketины в заборе и поправил качели для Варюшки. Тем временем «грабитель» проснулся, поплескался под рукомойником и, напав свой офицерский мундир, отправился на службу. Через полчаса на столе смачно румянилась жареная рыба, и вся семья села завтракать. Как всегда, мать положила Шурке самую большую порцию, но он выбрал два больших куска и переложил в тарелку младшим.

— Ну, зачем ты их поважачешь? — упрекнула его мать. — Ешь сам, чтоб сил было побольше. Работник ты у нас.

— Сил у меня хватит, — отозвался Шурка, — а им расти надо.

Гринька придвинул тарелку поближе к себе, а Варюшка, отправляя в рот аппетитно хрустящий, золотисто-коричневый

кусочек леща, влюбленно смотрела на старшего брата.

Шурка ел молча, медленно, глядя куда-то вдаль своими карими глазами.

Мысли его были направлены на одно: как отомстить грабителю-фашисту, но уже не за отбитый у него улов, а за надругательство оккупантов над жизнью, которую он так любил и за которую его отец сражался где-то на фронте, а может быть, и сложил уже свою голову.

Утром, когда во дворе Варюшка помогала матери развешивать постиранное белье, Гринька стоял у куста крыжовника с камнем в руке и внимательно смотрел на развалившуюся летнюю плиту.

— Ты что тут высматриваешь? — тронул его за плечо старший брат.

— Тихо, там гадюка, — показал Гринька на груды закопченных кирпичей. — Она из-под забора туда шмыгнула.

— Так уходи отсюда, пока жив!

— Я убить ее хочу.

Не успеешь и глазом моргнуть, как ужалил, — прыгнул Шурка храбреца и дернул его за ухо. — Ну-ка, марш во двор! Гринька бросил камень и нехотя допелся за братом, и все его курносое веснушчатое лицо выражало крайнее неудовольствие.

После обеда мать ушла навещать приболевшую соседку, Гринька с Варюшкой убежали на речку, и Шурка остался один. Он подмел двор, окатил ведром воды крыльцо, протер его мешковиной и пошел в огород поправить подставки под помидорам. Но проходя мимо старой плиты, остановился, будто что-то припомянул. И вдруг в его голове молнией пронеслись слова: грабитель, месья, гадюка. Именно в этой последовательности они сами собой связались в одну цепочку, и Шурка понял: это было то, что надо. Решение было

окончательным — отвратительное творение природы, несущее в себе смерть, станет орудием его мести.

Он пошел в сарай, нашел там стеклянную банку и кусок парусины. Потом вырезал метровую палку с рогатулкой на конце и занял наблюдательную позицию у того самого куста крыжовника, где часа полтора назад стоял его младший брат. Минуты тянулись медленно и томительно, и ожидание вскоре превратилось в пытку. «А если она вообще не появится? — размышлял Шурка. — Нет, надо придумать, как ее выманить». И тут ему на память пришла где-то услышанная то ли сказка, то ли был о том, как змею, забравшуюся в комнату, выманывали красными вишнями. Он побежал во двор, нарвал черешен и, вернувшись на свой наблюдательный пункт, рассыпал их метрах в двух от старой плиты. Прошло и десять, и двадцать минут, прошло полчаса, и Шурка уже подумал о безопасности своей затеи, как вдруг до его слуха донесся легкий шорох. Он до предела напряг зрение и через несколько секунд увидел в траве извивающуюся серебристо-серую ленту, украшенную пятнами на боках. Разинув узкую пасть, змея ползла к краснеющей горке черешен. Шагнул вперед, он с молниеносной быстротой прижал ее рогатулкой к земле чуть пониже головы. Раздалось злобное шипение, и подвижное тело напряглось, стараясь вырваться из тисков страшной силы, свалившейся невесть откуда, но Шурка был предельно внимателен. То чуть отпуская рогатулку, то вновь нажимая на нее, он начал загонять свою пленницу в банку. Очевидно, приняв прозрачный сосуд за найденное убежище, змея вползла в него и сворачивала освобождающуюся часть своего тела в колыда. Когда и хвост оказался в банке, Шурка плотно закрыл ее парусиной.

(Окончание следует).

Члены литературного объединения «Приамурье», работы которых представлены сегодня, перечисляют свой гонорар в Советский фонд мира.

ШУРКИНА МЕСТЬ

Рассказ

Убедившись, в том, что двор по-прежнему пуст, он заскочил в дом и бросился в комнату постояльца. Ящик письменного стола (это было замечено им еще до обеда) был немного отодвинут, Шурка выпустил туда гадюку, задвинул ящик и выскользнул из дома.

Когда вернулась мать, он сидел под навесом и перебирал рыболовные снасти. Потом, покончив с этим немудреным делом, нашел в сарае корзину и начал точить нож.

— Ты зачем это? — спросила мать, снимая высушенное белье. — Пойдем завтра с Борькой за грибами, — ответил он, не поднимая головы, чтобы покрасневшее лицо не выдало его влюбленности.

— Может, и Гриньку возьмете?

— Куда ему! Мал еще, ума нет. Да и пойдем мы рано, до света.

Во двор вошел квартирант. — Привет козявкам! — выкрикнул он, как обычно, обнажая улыбку свои редкие белые зубы. — Почему сегодня нет рыба?

— Некогда ловить для вас рыбу, — буркнул Шурка.

— Моя не понимаит, что есть некогда, — развел руками немец.

— Это значит, нет времени, — торопливо пояснила мать, боясь, что сын скажет что-нибудь дерзкое и навлечет на себя гнев гитлеровца.

— Да, — согласился лейтенант, — время теперь не есть много для всех.

Он еще раз улыбнулся и пошел в дом. Шурка не выдержал, посмотрел ему вслед и почувствовал, как тревожное волнение охватывает все его существо, как сильно и часто бьется в

(Начало в № 58—59).

груди сердце. «Сейчас, сейчас, сейчас», — стучало в висках, а в ушах отдавалось: «Смерть, смерть, смерть...»

Из дома по-прежнему не доносилось ни звука. «Почему все так долго тянется? — думал Шурка. — Неужели он не откроет ящик стола? Там ведь лежат сигареты, шоколад и какие-то бумаги». И вдруг за окном, к которому вот уже больше часа был прикован его взгляд, раздался страшный, душераздирающий крик. В следующую минуту из распахнувшейся двери не выбежал — выпрыгнул немец с перепуганным от страха лицом. Топая на одном месте ногами, он размахивал левой рукой, на кисти которой кровоточили две небольшие ранки, и вопил:

— Вишпер, вишпер! О майн гот! Дас ист майн гот!

Хоть Шурка внутренне и готовил себя к такой развязке, он все же инстинктивно вскопился и хотел броситься на помощь. Но в это время мимо гитлеровца метнулась его (пусть подневольная) союзница. Мгновенно перебросив свое гибкое тело через неширокую площадку двора, она исчезла в густой траве под забором. И вместо оказания помощи он с торжествующе злой усмешкой смотрел на «грабителя», обезумевшего от ужаса.

— Что случилось? — спросила прибежавшая с огорода мать.

— Гадюка гада ужалила, — не скрывая радости, ответил Шурка.

Немец тем временем, смешно

выбрасывая ноги и крича «вишпер, вишпер», выскочил со двора и пошел на улицу. Шурка выглянул из калитки и увидел, как от бегущего с диким ревом гитлеровца шарахаются встречные. Даже стоявший на углу фельдфебель испуганно отскочил в сторону и обалдело посмотрел вслед своему странно-му соотечественнику, левая рука которого тотчас наливалась багровой опухолью. Потом лейтенант

вдруг споткнулся и упал на пыльную мостовую, со всего размаха ударившись виском о камень, валившийся на дороге. Вопли тотчас прекратились. Через несколько минут над ним склонились двое немцев, но, убедившись, что помочь уже ничем нельзя, они выпрямились и что-то сказали понашемуся на глаза солдату. Тот опометью бросился к комендатуре.

Шурка метнулся в дом, схватил фуражку квартиранта и, выбежав во двор, бросил ее под черешню.

— Что ты задумал? — спросила его смертельно бледная мать.

— Так надо, мама, — как можно спокойнее ответил Шурка. — Ты лучше уйди куда-нибудь. Если придут, я сам все объясню.

— Да что ж ты объяснять будешь? Господи, они ж теперь всех нас убьют!

— За что, мама? Ведь его укусила гадюка, когда он подошел к дереву, чтоб нарвать черешен. Ну, иди, хоть в огороде поко-

пайся...

— Ой, лишенько! Чует мое сердце, беда будет, — тихо причитала мать, набирая из бочки воду и направляясь в огород.

Вскоре скрипнула калитка, и во двор вошли немцы — комендант с переводчиком и солдат.

— Ты один дома? — спросил переводчик.

— Нет, мать огород поливает.

— Покажи комнату лейтенанта Берга.

Шурка проводил их в дом. Немцы осмотрели комнату, поговорили между собой о чем-то и вышли на крыльцо. Комендант что-то сказал переводчику, и тот перевел вопрос:

— Что случилось с лейтенантом Бергом?

— Гадюка его укусила, — ответил Шурка с таким вздохом, что можно было подумать, будто он и впрямь печалится.

— Расскажи подробнее, — приказал комендант через переводчика.

— Господин лейтенант после службы отдыхал, наверно, с час, а потом вышел во двор (с этого места Шурка начинал врать), увидел, что я готовлю снасти для рыбки и спросил, когда будет рыба. Я сказал, что вечером наловлю и все отдам ему.

— Что было дальше? — перевел его переводчик.

— А дальше, он, видать, захотел поест черешен. Подошел к дереву, подпрыгнул, чтоб нарвать самую рясную ветку. Тут и упала с его головы фуражка. Господин лейтенант наклонился

поднять ее, да вдруг как закричал. Я сначала ничего не понял, а потом глядь — из-под ног у него гадюка шмыг — и под забор. — И он показал рукой точно туда, где действительно скрывалась змея.

Комендант выслушал перевод и снова спросил:

— Что было потом?

— Я подбежал к нему, хотел помочь, но он оттолкнул меня и выскочил на улицу. Я за ним, да куда там! — Разве догонишь.

— А что бы ты сделал, если бы догнал лейтенанта? — поинтересовался комендант.

— Известно, что. Пережал бы руку повыше укуса, ртом высосал бы яд и выплюнул. И был бы жив господин лейтенант, а так... — и Шурка снова печально вздохнул.

Комендант что-то сказал переводчику. Тот, улыбаясь, кивнул и перевел, обращаясь к Шурке:

— Господин комендант говорит, что ты умный мальчик, а лейтенант Берг сделал глупость, когда оттолкнул тебя.

Тем временем солдат вынес из дома вещи покойника, и все трое удалились, очевидно, обсуждая то, что услышали.

Когда калитка захлопнулась, Шурке показалось, что вдруг закачалась земля, и он, обессиленный чрезмерным напряжением нервов в течение этого дня, опустился на лавку. Как сквозь сон, до него доносились голоса Гриньки и Варюшки, но о чем они говорили, он не понимал. Затем подошла мать, и, глядя на его бледное, измученное лицо, прижала к груди голову сына и тревожно спросила:

— Шура, сынок, ты заболел?

— Нет, мама, я что-то сильно притомился. Пойду спать, — ответил он изменившимся, незнакомым ей голосом. И это был голос взрослого человека.

Редактор А. РЯБОВ.

Картинг

Восемь команд участвовали в первенстве области по картингу, прошедшем в Белогорске. Успешным был старт гонок областного совета ВДОАМ, ставших чемпионами. Команда спортивно-технического клуба «Восток» Благовещенской швейной фабрики заняла второе место, а спортсмены Свободненской станции юных техников — третье.

Чемпионом на машине класса «Юниор» стал Виктор Чернавин из областной СЮТ. Александр Петров, представитель Благовещенской школы ДОСААФ, победил на карте «Союзный». В классе «Международный» лучшим был Сергей Демиденко из клуба «Восток».

Гимнастика

Первенство области по спор-

тивной гимнастике закончилось в Благовещенске победой хозяев места соревнований. Чемпионами в личном зачете стали благовещенская школьница Ирина Матвеева и учащийся политехникума Вадим Васильев.

Футбол

На шимановском стадионе «Локомотив» прошло первенство областного совета ДСО «Спартак» по футболу среди производственных коллективов. Кубок вручен спортсме-

нам новобурейского «Металлиста».

Баскетбол

Зональные соревнования в зачет VIII летней Спартакиады народов РСФСР среди женских команд проходят во Владивостоке. Наши землячки в первых четырех встречах уступили приморкам и хабаровчанкам и выиграли у спортсменок Якутии и Сахалина.

Старты надежд

Четырнадцать классов участвовали в финале соревнований детских спортивных игр «Старты надежд» в Ленинском районе. По младшей группе первое место заняли юные спортсмены СШ № 5. По старшей — чемпионское звание добыли ребята однойнадцатой школы.

Восемнадцать туристских отрядов — участников Всесоюзной экспедиции «Моя Родина — СССР» вышли недавно на старт областных соревнований. В районе турбазы «Мухоморская» они показали свое мастерство на полосе препятствий, в знании геологии и топографии и многом другом. Победила команда Новопетровской средней школы Благовещенского района.

Летом ребят ждут интересные многодневные туристские маршруты. Сила, ловкость, выносливость, знания и умения помогут юным исследователям в походах по родному краю.

В. КАЛИНИН.

Фото В. СТЕГАНЦЕВА.

Фестивали

Сегодня в Доме молодежи открывается фестиваль «Амурское пограничье», посвященный 60-летию освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов и 60-летию образования Краснознаменного Дальневосточного пограничного округа.